

вечер», где Осип Мандельштам влюбился в Марину Цветаеву и устремился за ней. Она дарила ему первопрестольную:

*Из рук моих — нерукотворный град
Прими, мой странный, мой
прекрасный брат...
И встанешь ты, исполнен дивных
сил...
Ты не расквесишь, что ты меня
любил.*

Смешливого мальчишку она увидела в нём:

*В тебе божественного мальчика
Десятилетнего я чту...*

Осип твердил: «Марина, Марина». Она: «Что Марина, когда Москва?!» Летом в Александровой слободе с детьми он рыл норы в глине; возмущался, что Марина не хочет играть. Глина — это такая книга, «книга влажных глин».

А потом всё прошло. Цветаева: «Оглядываюсь — бычок. Красный... Дети не испугались вовсе, принимают за игру, летят на моих вытянутых руках, как на канатах гигантских шагов, не по земле, а над. Скок усиливается, близится, наступает. Не вынеся — оглядываюсь. Это Мандельштам скачет. Бычок давно отстал...» Он жалок, молодой Державин, бычка испугался.

Собраться недолго — бритва и тетрадка. Уехать в Крым к Волошину, прислониться к нему, язычнику, мудрецу. Себя Осип стал называть «антицветаевцем». Что он мог подарить Марине?

*Прими ж ладонями моими
Пересыпаемый песок...*

Потом Цветаева скажет: «Ничто так не вызывает у меня представления о наслаждении, как песок». Она напропорочила ему:

*...спит себе
И не слышит ночных гостей,
И не видит, как зоркий клюв
Златоокая вострит птица.*

У кремлёвского горца — жёлтые глаза. Себя он увидит в страшном видении:

*По улицам меня ведут без шапки
И теплятся в часовне три свечи.
И страну увидит такой:
О, этот воздух, смутой пьяный,
На чёрной площади Кремля.*

Через полтора года пушки будут бить по Кремлю...

Он пересыпал песок на коктебельском пляже. В кафе «Бубны» угощали виноградом, копчёной барабулькой, брынзой; здесь Мандельштам читал стихи, которые могла слышать красивая девочка Лютик. Пройдёт время, и он влюбится в неё:

*Я буду метаться по табору
улицы тёмной...
Я только запомнил
каштановых прядей осечки...*

В воронежской ссылке он узнал, что Лютика не стало:

*И твёрдые ласточки круглых бровей
Из гроба ко мне прилетели
Сказать, что они отлежались в своей
Холодной стокгольмской постели...*

Осип ласточку просил помочь, жимолость; ещё говорил: «Цветы бес- смертны». На следующий год он снова в Крыму. Туда приехали сёстры Цветаевы. Марина сказала Асе: «Не оставляй нас вдвоём».

1917-й, «великий сумеречный год».
*Твой брат, Петрополь, умирает...
...корабль ко дну идёт...*

Потом появилась надежда:
*Ну что ж, попробуем: огромный,
неуклюжий
Скрипучий поворот руля.*

Земля плывёт. Мужайтесь, мужи...

Луначарский взял Мандельштама в Наркомпрос, который вместе с властями переехал в Москву. Анна Ахматова в Петрограде, и не с кем поохотать. Она всё время боялась, как бы Осип в неё не влюбился.

В этом железном мире происходили невозможные вещи. В кафе «Домино» Мандельштам схватился с самим Блюмкиным — левым эсером, чекистом в комиссарской кожаной куртке. Тот тряс пачкой ордеров на арест, подписанных Дзержинским, ревел, что расстреляет любого интеллигент- тишку. Осип выхватил и разорвал эти ордера. Потом он скажет: «Есть прекрасный русский стих, который я не устану твердить в московские псиные ночи... «Не расстреливал несчастных по темницам». Вот символ веры, вот поэтический канон настоящего писателя».

Мандельштам исчез из Москвы; просто не пришёл на работу. После того как Блюмкин был арестован за убийство германского посла, Осип снова в Москве. Однажды зашёл в кафе «Домино» вместе с Надей Вольпин. Одинок за столиком — Сергей Есенин. Осип что-то рассказывал Наде о Петрарке и Данте. Сергей подошёл к их столику, остановился, посмотрел в лицо Осипу, сощурился, — красивый, ревни- вый. Этому нелепому человеку он и не знал, что сказать. Осип молча смотрел на него. Есенин пошёл дальше, но через плечо, в повороте на ходу, лёгкий, лад- ный, обернулся, сдвинул брови:

— А вы, Осип Эмильевич, пишете пла-ахические стихи, — и самое страшное сказал: — У вас рифмы глагольные!

Мандельштам отставил свой желу- дёвый кофе. Его нельзя было сильнее обидеть. Он не знал, что через несколь- ко дней Есенин скажет Наде: «А вот чьи стихи действительно прекра-асны, так это стихи Мандельшта-ама». Это были его сокровенные слова — «милый», «прекрасный». И даже так скажет: «Это- го жиди я люблю». Юмористу Эмилю Кроткому говаривал за пивом:

— Нас, русских, только трое: я, ты да Мандельштам. Не спорь. Вы русский лучше меня знаете...

Однажды в фойе Камерного театра поэт Шершеневич при нём говорил сальности об одной актрисе, и Осип, эта смесь кролика с шакалом, ударил его. Есенин просто жаждал скандала, жалел о том, что дуэль расстроилась. Ведь для стихов это надобно — хоро- ший скандал.

Мандельштам увидел свою страну, «кровью умытую». В Киеве он появился с корзинкой с висячим замком — там рукописи и мамины письма. 1 мая 1919 года он увидел Надю Хазину. Это была великая любовь — на всю жизнь и на всю смерть. Первое мая стало их днём. Их разлучили ровно через 19 лет, день в день. У них ничего не было, кроме люб- ви и корзинки с рукописями.

Он стоял на балконе киевской го- стиницы «Континенталь», когда по ули- це промчались всадники и впереди —